

Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления

***Аннотация.** В статье ставится вопрос о неизбежности не только судебных (по конкретным уголовным делам) ошибок, но также ошибок правоприменения (сложившаяся стихийно или по указанию вышестоящих судебных органов практика неправильного применения уголовно-правовой нормы), а также законотворческих ошибок уголовно-политического, системного и технического характера. Рассматривая конкретные правотворческие ошибки, допущенные в нормах Общей части и в каждом из структурных элементов многих норм Особенной части УК РФ, автор с удовлетворением отмечает заметную работу законодателя по устранению ошибок. Вместе с тем приводятся конкретные примеры ошибок, которые многократно отмечались в специальной литературе и тем не менее до сих пор законодатель не исправляются, и предлагаются пути их исправления, в частности внесение изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в части процедуры обсуждения законопроектов.*

***Ключевые слова:** судебная ошибка; ошибка правоприменения; ошибка законодателя уголовно-политического, системного и технического характера; исправление законотворческих ошибок.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.095-103

Ошибка в праве — понятие многогранное. Оно включает и субъективную ошибку (неверные представления субъекта преступления о юридических или фактических свойствах совершаемого деяния), и судебную ошибку (неправильное установление или неправильная оценка фактических обстоятельств дела), и ошибку правоприменения (стихийно или по указанию вышестоящих судебных органов сложившаяся практика неправильного применения уголовно-правовой нормы), и ошибку законодателя (пробелы, противоречия и технические ошибки). Последняя из названных видов ошибок в праве является самой вредной, по-

скольку закон стоит (во всяком случае, должен стоять) выше практики и выше науки. Тем не менее законотворческих ошибок можно найти немало в нормах УК РФ. Ошибки законодателя могут быть уголовно-политическими, системными и техническими.

Уголовно-политическая ошибка — это неправильное правотворческое решение, являющееся прямым результатом законодательной инициативы одного из ее субъектов. Такие ошибки неочевидны и устраняются с трудом.

Примером подобной ошибки может служить реализованный в Законе от 08.12.2003 № 162-ФЗ¹ принципиальный отказ от админи-

¹ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

© Парог А. И., 2019

* *Парог Алексей Иванович*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
alek.rarog@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

стративной преюдиции и от квалифицирующего значения специального рецидива. Осознав ошибочность своего решения, законодатель явочным порядком начал восстанавливать и то и другое.

Другим примером этого же вида законодательной ошибки является снятие Законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ² минимального предела наказания в санкциях многих норм о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях, что, по сути, подменило судебское усмотрение судебским произволом. После этого формально законным стало назначение, скажем, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, наказания в виде лишения свободы как на 2 месяца, так и на 15 лет. Такое законодательное решение не только противоречит идеям деления преступлений на категории и дифференциации уголовной ответственности, но и содержит явный коррупциогенный потенциал. Несмотря на жесткую негативную реакцию научного и правоприменительного общества, законодатель до сих пор не отступает от своей сомнительной в этом вопросе позиции.

Действующий УК РФ содержит немало системных ошибок.

Например, ч. 3 ст. 81 УК РФ предусматривает обязательное освобождение от отбывания наказания военнослужащими, отбывающими арест либо содержание в дисциплинарной воинской части, в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе. Однако при подобном заболевании становится невозможным исполнение не только названных видов наказания, но и ограничения по военной службе. Тем не менее эта ситуация осталась без внимания законодателя. Отмеченный пробел восполнен уголовно-исполнительным законодательством (ч. 1 ст. 174 УИК РФ), но в Уголовном кодексе РФ он сохраняется и сегодня.

Многие ошибки выявляются в результате несоответствия первоначального и актуального текста уголовного закона.

Так, первоначально обязательные работы в случае злостного уклонения от их отбывания суд мог заменить ограничением свободы или арестом, а исправительные работы — ограничением свободы, арестом или лишением свободы. Этому соответствовало положение о том, что в случае замены обязательных или исправительных работ арестом его срок может быть и менее одного месяца (ч. 2 ст. 54 УК РФ). Но Закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ³ исключил возможность замены обязательных или исправительных работ арестом, и теперь в случае злостного уклонения от их отбывания они могут быть заменены только принудительными работами или лишением свободы. Тем не менее в ст. 54 УК РФ сохраняется положение о том, что срок ареста в случае его назначения взамен обязательных работ или исправительных работ может быть и менее одного месяца. И этой ошибке уже 10 лет.

Статья 80 УК РФ предоставляет суду право заменить неотбытую часть наказания более мягким его видом. Первоначально это относилось только к лицам, отбывающим лишение свободы, и только за преступления небольшой и средней тяжести. Упомянутый выше Закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ распространил действие ст. 80 УК РФ на осужденных к ограничению свободы и содержанию в дисциплинарной воинской части (Законами от 27.12.2009 № 377-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ⁴ упоминание о лицах, отбывающих ограничение свободы, было заменено указанием на лиц, отбывающих принудительные работы). Но в ч. 2 этой нормы отбытие определенной части назначенного наказания как необходимое условие замены наказания более мягким по-прежнему связывалось только с лишением свободы. Тем самым вопрос о том, какую же часть наказания обязан отбыть осужденный к принудительным работам или к содержанию в дисциплинарной воинской части, остался открытым. Хотя этот пробел не раз отмечался в юридической литературе⁵, он продолжает существовать до сих пор.

² СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

³ СЗ РФ. 2009. № 52 (ч. I). Ст. 6453.

⁴ СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

⁵ См., например: *Грачева Ю. В.* Оценка пределов судебного усмотрения в нормах о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке :

Различного рода законодательные ошибки встречаются и в нормах Особенной части УК РФ.

Закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ установил уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ). Злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, влечет замену его неотбытой части принудительными работами или лишением свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ). Поэтому в примечании к ст. 314 УК РФ разъясняется, что уголовная ответственность наступает за злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного только в качестве дополнительного наказания. Таким образом, последствия уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в одном из двух возможных качеств, принципиально различаются.

Уклонение от отбывания основного наказания влечет его замену более строгим наказанием (принудительными работами либо лишением свободы), а уклонение от отбывания дополнительного наказания объявляется самостоятельным преступлением. Здесь налицо явное нарушение логики в оценке опасности уклонения от отбывания ограничения свободы как основного и как дополнительного наказания. Алогичность законодательного решения становится еще очевиднее, если сравнить установленные законом сроки применения более строгого наказания.

Допустим, лицо осуждено к одному году ограничения свободы. В случае злостного уклонения от его отбывания ограничение свободы может быть в соответствии с ч. 5 ст. 53 УК РФ заменено принудительными работами или лишением свободы максимум на 6 меся-

цев. А если то же наказание было назначено в качестве дополнительного, то при злостном уклонении от его отбывания максимальное наказание по ст. 314 УК РФ может составить 1 год лишения свободы. Получается, что законодатель оценивает уклонение от отбывания основного наказания как менее опасное правонарушение, чем уклонение от отбывания дополнительного наказания. Позиция выглядит странной и, видимо, нуждается в корректировке, тем более что злостное уклонение от отбывания штрафа или иных видов наказания, назначенных в качестве дополнительных, законодателем вообще не рассматривается в качестве преступления.

Ошибочные законотворческие решения встречаются и в основных составах преступлений, и в формулировании квалифицирующих признаков.

Одним из таких решений представляется изобретение норм, придающих значение самостоятельного преступления соучастию в других преступлениях, которые законом уже предусмотрены. Яркой иллюстрацией этому служит ст. 205.1 УК РФ, введенная Законом от 24.07.2002 № 103-ФЗ⁶ и после этого неоднократно реконструированная. Криминализация пособничества в совершении террористического акта как самостоятельного преступления не согласуется с общим учением о соучастии⁷ и порождает немало правоприменительных проблем.

Во-первых, вряд ли возможно найти теоретическое обоснование повышенной опасности пособничества совершению террористического акта (наказание от 10 до 20 лет лишения свободы) по сравнению с исполнением этого же преступления (от 8 до 15 лет). И дореволюционное российское⁸, и советское⁹ уголовное право

материалы X Междунар. науч.-практ. конференции. М., 2013. С. 177 ; Рарог А. И. «Работа над ошибками» — обязанность законодателя // Государство и право. 2014. № 4. С. 67.

⁶ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3020.

⁷ См. об этом: Борисов С. В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права. М., 2016. С. 288 ; Некрасова А. А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 69—71.

⁸ См.: Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865. Т. 1 : Часть Общая. С. 511.

⁹ См.: Шаргородский М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945. С. 23 ; Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 169 ; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 95.

неизменно рассматривали пособничество как наименее опасную разновидность соучастия. Более снисходительное отношение к пособнику в сравнении с организатором и подстрекателем закреплено в российском УК (ч. 4 ст. 31) и явно выражено Верховным Судом РФ в определении по делу Дюльдина¹⁰. Кстати, уголовное законодательство ряда стран предусматривает обязательное (например, ч. 1 ст. 27 УК КРН, ч. 2 ст. 32 Республики Корея, ст. 63 УК Японии) либо факультативное (например, абз. 2 § 27 Уголовного уложения ФРГ, § 2 ст. 19 УК Польши, § 23 УК Дании) смягчение наказания пособнику.

Во-вторых, действующая редакция ст. 205.1 УК РФ порождает неизбежную конкуренцию между ее частью 3 и частью 1, которая предусматривает, в частности, пособничество совершению террористического акта в формах подготовки или вооружения исполнителя либо финансирования этого акта, а это ставит перед судьями весьма трудную задачу разграничить виды пособничества и обосновать различие в степени их общественной опасности.

Отход от оценки пособничества как наименее опасной разновидности соучастия проявился и в составе посредничества во взяточничестве, от которого УК РФ в 1996 г. принципиально отказался, но который был восстановлен Законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ в отечественном уголовном законодательстве.

Разумеется, формулирование новых или воссоздание старых составов преступления — это суверенное право законодателя, но даже оно не должно нарушать системность уголовного законодательства как отрасли.

Во-первых, в первоначальной редакции посредничество во взяточничестве при значительном размере взятки (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) рассматривалось как более опасное преступление (наказание — до 5 лет лишения свободы), чем сама дача взятки в таком же размере (лишение свободы на срок до 3 лет). Этот переко-

был устранен только Законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ¹¹.

Во-вторых, при крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ) по степени опасности приравнялось к получению взятки (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ) и наказывалось строже (лишение свободы на срок от 7 до 12 лет), чем действия взяткодателя (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ — лишение свободы на срок от 5 до 10 лет). Эта ошибка также была исправлена упомянутым Законом № 324-ФЗ, который оценил посредничество как менее опасное деяние, чем дача взятки и ее получение.

В-третьих, ответственность за реальное посредничество при отсутствииотягчающих обстоятельств законом вообще не предусмотрена, а при значительном размере взятки самым строгим наказанием за такое деяние является лишение свободы на срок до 4 лет. В то же время за обещание или предложение посредничества во взяточничестве ответственность наступает даже при незначительном размере взятки, а наказание установлено в виде лишения свободы на срок до 7 лет.

Ситуация с пенализацией получения и дачи взятки, а также посредничества во взяточничестве и его обещания или предложения свидетельствует о том, что у законодателя нет каких-то логически обоснованных критериев для оценки сравнительной опасности трех известных ему разновидностей взяточничества, поэтому он вынужден периодически изменять санкции норм о взяточничестве¹².

Большие сомнения вызывает и редакция ст. 205.3 УК РФ.

Во-первых, вряд ли можно найти удовлетворительное объяснение тому, что действия, которые по своей сути являются приготовлением к совершению преступлений террористического характера, признаются самостоятельным оконченным преступлением.

¹⁰ См.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.08.2012 № 48-012-65 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4257.

¹² Критический анализ этой ситуации см., например: *Грошев А. В.* Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) // *Современные проблемы уголовной политики*. Краснодар, 2011. Т. 2. С. 104—106; *Савенко И. А.* Изменения в законодательстве по преступлениям коррупционной направленности // Там же. С. 116.

Во-вторых, совершенно необъяснимо, почему приготовление к этим преступлениям законодатель считает гораздо более опасным (наказание — вплоть до пожизненного лишения свободы), чем сами подготавливаемые преступления.

В-третьих, вряд ли можно обосновать установление уголовной ответственности за прохождение обучения потенциальными террористами при отсутствии уголовной ответственности за организацию такого обучения.

Одним из видов законодательных ошибок является непродуманное включение квалифицирующих признаков. Примерами могут служить:

- придание квалифицирующего значения применению огнестрельного оружия при совершении террористического акта (исключен только в 2008 г.);
- придание умышленному причинению смерти человека статуса особо квалифицирующего признака захвата заложника (ч. 4 ст. 206), террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205) и диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ), реализованное Законом от 28.12.2008 № 321-ФЗ¹³. Отрицательное отношение к последней законодательной новелле автор настоящей статьи уже выразил и привел веские аргументы¹⁴. Одним из них является несогласие с позицией Пленума Верховного Суда РФ, который рекомендует судам квалифицировать террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти одному или большему числу лиц, только по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, без дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ¹⁵. Следуя такой рекомендации, суд оставит вне поля зрения многие квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, и к тому же назначит необоснованно мягкое наказание. Дело в том, что террористический акт с человеческими жертвами по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ может повлечь максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет (если не

прибегать к пожизненному лишению свободы). А если бы оно назначалось по совокупности с ч. 2 ст. 105 УК РФ, то могло бы составить до 30 лет лишения свободы, не говоря уже о невозможности применения смертной казни, предусмотренной (хотя и формально) за квалифицированные виды убийства.

Вряд ли обоснованным является и включение неосторожного причинения смерти человека в число квалифицирующих признаков террористического акта (п. «в» ч. 2 т. 205 УК РФ). Эти последствия органично присущи террористическому акту, а нередко составляют его цель, поэтому вряд ли могут находиться за пределами умысла террориста.

К числу законотворческих ошибок относится нарушение системности в формулировках примечаний к статьям Уголовного кодекса.

Так, представляется странным отсутствие в ст. 127 УК РФ поощрительного примечания, тогда как в других статьях УК РФ о преступлениях, связанных с посягательством на личную свободу (126, 127.1, 206), такие примечания имеются.

Весьма сомнительным является ограничение сферы применения освобождения от уголовной ответственности при добровольном освобождении потерпевшего в статье УК РФ о торговле людьми, тогда как при похищении человека и захвате заложника такие ограничения не установлены.

Еще более удивительным было установление Законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ¹⁶ тождественных примечаний к ст. 282.1 и 282.2 УК РФ.

Эти нормы появились в УК РФ в 2002 г. В примечании к ст. 282.2 УК РФ освобождение от уголовной ответственности связывалось с вступлением в законную силу судебного решения о ликвидации экстремистской организации или о запрете ее деятельности. Это было вполне обоснованно, ибо до судебного решения организация не считалась экстремистской. Но ст. 282.1 УК РФ предусматривала принципиально другую ситуацию: экстремистское сообщество по за-

¹³ СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 29.

¹⁴ См.: Рапог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4 (125). С. 165.

¹⁵ См.: постановление от 09.12.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». П. 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

¹⁶ СЗ РФ. 2008. № 19.

кону являлось преступным с самого момента создания и для установления его преступного характера не требовалось никакого судебного решения. Поэтому примечание к этой норме предусматривало освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно прекратившего участие в экстремистском сообществе, если в его действиях не содержится состава иного преступления. Однако Закон от 24.07.2007 сформулировал примечание 1 к ст. 282.1 УК РФ точно так же, как и примечание к ст. 282.2 УК РФ, что сделало его принципиально неисполнимым. И только через 7 лет эта ошибка была исправлена Законом от 28.09.2014 № 179-ФЗ¹⁷, который вернулся к первоначальной редакции примечания к ст. 282.1 УК РФ.

Наиболее распространены законодательские ошибки в санкциях норм Особенной части УК РФ.

Значение системы наказаний заключается, в частности, в том, что не только для суда, но и для законодателя являются безусловно обязательными правила, сформулированные в Общей части Уголовного кодекса и определяющие порядок применения каждого вида наказания и его количественные характеристики, т.е. сроки или размеры. Грубым нарушением изложенного требования было, например, установление Законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ в санкции ч. 1 ст. 241 УК РФ (организация занятия проституцией) наказания в виде ограничения свободы на срок до *пяти лет*, тогда как по действующему законодательству ограничение свободы как основной вид наказания за умышленное преступление не может превышать *трех лет*. До этого предела и была Федеральным законом от 21.07.2004¹⁸ снижена продолжительность ограничения свободы в санкции ч. 1 ст. 241 УК РФ.

Примером системной ошибки может служить и санкция ч. 3 ст. 281 УК РФ, где, вопреки положениям ст. 57 УК РФ, в которой преступления против государственной власти не упоминаются, установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

К этому же виду ошибки можно отнести и несбалансированные санкции ч. 1 и 2 ст. 173.1 УК РФ: основной состав преступления влечет наказание в виде принудительных работ (наряду со штрафом и лишением свободы), а квалифицированный — обязательные работы (также наряду со штрафом и лишением свободы).

Самой распространенной системной ошибкой в санкциях является недопустимое установление наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания.

Принудительные работы — это альтернативный вид наказания (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ). В соответствии с ч. 2 той же статьи УК РФ он не может назначаться как самостоятельный вид наказания, а применяется вместо назначенного наказания в виде лишения свободы, если суд придет к убеждению, что исправление осужденного возможно без реального отбывания наказания в местах лишения свободы¹⁹. В этом случае продолжительность принудительных работ равна (и это принципиально важно!) назначенному сроку лишения свободы. Значит, она ни при каких обстоятельствах не может превышать назначенного судом срока лишения свободы. Между тем установленный в ст. 53.1 УК РФ порядок применения принудительных работ самим же законодателем часто нарушается.

Игнорируя юридическую природу принудительных работ как альтернативного вида наказания, законодатель включает их в те санкции, которые вообще не предусматривают лишения свободы (например, части первые всех статей УК о специальных видах мошенничества, ч. 1 и ч. 2 ст. 200.1 УК РФ), либо устанавливает возможность применения принудительных работ на срок, превышающий максимально возможный срок лишения свободы (например, ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 145.1, ст. 172 УК РФ).

Наряду с уголовно-политическими и системными ошибками, в санкциях встречаются и технические ошибки, т.е. откровенный брак.

¹⁷ СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3385.

¹⁸ СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3091.

¹⁹ К рассматриваемому вопросу не имеет отношения возможность применения принудительных работ в порядке замены обязательных (ч. 3 ст. 49 УК РФ) либо исправительных (ч. 4 ст. 50 УК РФ) работ в случае злостного уклонения от их отбывания, а также замены лишения свободы принудительными работами на основании ст. 80 УК РФ.

Так, не раз упоминавшимся Законом от 08.12.2003, изменившим в том числе и многие санкции, в ч. 1 ст. 165 УК РФ (основной состав) было установлено наказание вплоть до 6 лет, в ч. 2 той же статьи (квалифицированный состав) — до 3 лет, а в ч. 3 — до 5 лет лишения свободы. Эта несуразица была ликвидирована Законом от 21.07.2004 № 73-ФЗ.

Закон от 25.12.2008 № 280-ФЗ²⁰, внося изменения в целый ряд санкций, установил, что деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 201 УК РФ, может быть наказано «штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового». Общеизвестно, что формулировка «или без такового» относима исключительно к дополнительным видам наказания. После этого в санкцию ч. 2 ст. 201 УК РФ изменения вносились дважды: Законами от 27.12.2009 № 377-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ, однако отмеченный очевидный законодательный брак до сих пор не устранен.

Думается, что законодательные ошибки неизбежны и обусловлены несовершенством законодательного процесса в нашей стране.

Конституция Российской Федерации предоставила право законодательной инициативы очень многим субъектам, каждый из которых вносит свой законопроект по какому-то узкому вопросу без согласования с другими законопроектами и даже с общей идеологией Уголовного кодекса. Проекты рассматриваются Правовым управлением и профильными комитетами Государственной Думы каждый в отдельности. Таким же путем проекты передаются на заключение Правительства РФ и заинтересованных ведомств. В итоге из-за несовершенства Регламента Государственной Думы, принятого еще

22 января 1998 г., законодатель рассматривает несколько законопроектов одновременно, но без взаимосвязи и без сопоставления с идеологией Уголовного кодекса. Поэтому поправки к УК принимаются «пачками» — по 4—5 в день. Так, 27 декабря 2018 г. были приняты 6 законов, вносящих изменения в УК РФ. При таком методе рассмотрения и принятия законов вряд ли возможно обеспечить их непротиворечивость. Видимо, изменений можно не ждать, пока эффективность работы Государственной Думы будет оцениваться по числу принятых законов.

В связи с проблемой законодательных ошибок с ностальгией вспоминается советское законодательство второй половины прошлого столетия. Оно было более стабильно, а правовые нормы были более обоснованы теоретически и совершенны с точки зрения юридической техники. Единообразное их применения гарантировалось правом Президиума Верховного Совета СССР (и, соответственно, президиумов верховных советов союзных республик) давать официальное толкование закона, а также правом Верховного Суда СССР (и, соответственно, верховных судов союзных республик) давать разъяснения, которые по закону являлись руководящими.

В постсоветский период сложилась иная ситуация: Конституция РФ не предоставила ни одному органу власти права давать официальное толкование закона, а разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной практики лишила свойства руководящих. Поэтому сомнения относительно смысла той или иной нормы, которые возникают довольно часто, не могут быть разрешены ни на каком официальном уровне, что приводит к разногласию в теории права и к отсутствию единообразия в практическом применении закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. — СПб., 1865. — Т. 1 : Часть Общая. — 940 с.
2. Борисов С. В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права. — М., 2016. — С. 285—288.
3. Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. — Киев, 1969. — 216 с.

²⁰ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6235.

4. Грачева Ю. В. Оценка пределов судебского усмотрения в нормах о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции. — М., 2013. — С. 176—178.
5. Грошев А. В. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) // Современные проблемы уголовной политики. — Краснодар, 2011. — Т. 2. — С. 104—106.
6. Кадников Н. Г. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок // Вестник Моск. ун-та МВД России. — 2012. — № 3. — С. 182—187.
7. Некрасова А. А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. — 2016. — № 4 (58). — С. 69—71.
8. Рарог А. И. «Работа над ошибками» — обязанность законодателя // Государство и право. — 2014. — № 4. — С. 65—73.
9. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : в 3 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. — М., 2014. — Т. 3. — 664 с.
10. Савенко И. А. Изменения в законодательстве по преступлениям коррупционной направленности // Современные проблемы уголовной политики. — Краснодар, 2011. — Т. 2. — С. 113—119.
11. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — М., 1974. — 208 с.
12. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И. Э. Звечаровского. — М., 2010. — 640 с.
13. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. О. С. Капинус. — М., 2015. — Т. 2. — 941 с.
14. Шаргородский М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. — М., 1945. — 56 с.

Материал поступил в редакцию 10 января 2019 г.

LEGISLATOR'S ERROR: TYPES, REASONS, WAYS OF CORRECTION

RAROG Aleksey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Lawyer of the City of Moscow, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
alek.rarog@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper raises the question of the inevitability not only of judicial (in specific criminal cases) errors, but also of law enforcement errors (the practice of incorrect application of the criminal law established spontaneously or at the direction of higher judicial authorities), as well as legislative errors of political, system or technical nature. Considering the specific law-making mistakes made in the norms of the General Part and in each of the structural elements of many of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the author notes the appreciable work of the legislator to eliminate errors with satisfaction. At the same time, the paper provides specific examples of errors that are repeatedly noted in the special literature, still yet to be corrected, and suggests ways to correct them, in particular, amending the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation regarding the procedure for discussing bills.*

Keywords: *judicial error; law enforcement error; legislator's error of a criminal political, systemic and technical nature; correction of legislative errors.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berner A. F. Uchebnik ugovnogo prava. — SPb., 1865. — T. 1 : Chast' Obshchaya. — 940 s.
2. Borisov S. V. K voprosu o kriminologicheskoy osnove sostava prestupleniya v vide posobnichestva v sovershenii terroristicheskogo akta // Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava : materialy H Rossijskogo kongressa ugovnogo prava. — M., 2016. — S. 285—288.
3. Burchak F. G. Uchenie o souchastii po sovetскому ugovnomu pravu. — Kiev, 1969. — 216 s.
4. Gracheva Yu. V. Ocenka predelov sudejskogo usmotreniya v normah o zamene neotbytoj chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya // Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. — M., 2013. — S. 176—178.
5. Groshev A. V. Antikorruptsiyные novelly ugovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (kriticheskij analiz) // Sovremennye problemy ugovnoy politiki. — Krasnodar, 2011. — T. 2. — S. 104—106.
6. Kadnikov N. G. K voprosu o kvalifikacii nekotoryh prestuplenij, posyagayushchih na obshchestvennuyu bezopasnost' i obshchestvennyj poryadok // Vestnik Mosk. un-ta MVD Rossii. — 2012. — № 3. — S. 182—187.
7. Nekrasova A. A. Problemy sistematizacii ugovno-pravovogo regulirovaniya special'nyh vidov prikosnovennosti i souchastiya v prestupleniyah terroristicheskogo haraktera // Obshchestvo i pravo. — 2016. — № 4 (58). — S. 69—71.
8. Rarog A. I. «Rabota nad oshibkami» — obyazannost' zakonodatelya // Gosudarstvo i pravo. — 2014. — № 4. — S. 65—73.
9. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti : v 3 t. / pod red. N. A. Lopashenko. — M., 2014. — T. 3. — 664 s.
10. Savenko I. A. Izmeneniya v zakonodatel'stve po prestupleniyam korruptsiyjnoy napravlenosti // Sovremennye problemy ugovnoy politiki. — Krasnodar, 2011. — T. 2. — S. 113—119.
11. Tel'nov P. F. Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii. — M., 1974. — 208 s.
12. Ugovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' / pod red. I. E. Zvecharovskogo. — M., 2010. — 640 s.
13. Ugovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' / pod red. O. S. Kapinus. — M., 2015. — T. 2. — 941 s.
14. Shargorodskij M. D. Vina i nakazanie v sovetском ugovnomu pravu. — M., 1945. — 56 s.